

Термин koṭṭa в ранней непальской эпиграфике.

Рассматривая важность и сложность эпиграфических исследований для реконструкции истории классической Индии, известный американский индолог Р. Саломон¹, автор недавно опубликованной монографии "Индийская эпиграфика", в качестве одного из важнейших методов для исследования эпиграфических источников называет метод сравнительного анализа², упоминая его, однако, только, как метод восстановления поврежденных надписей. Между тем, использование указанного метода, наряду с контекстным анализом содержания источников может, очевидно, способствовать, также, уточнению целого ряда важных терминов (для понимания, например, особенностей развития социально-политической структуры индийского общества), на неточной интерпретации которых, нередко, основываются целые исторические исследования. В качестве примера необходимости использования такого метода, в настоящей статье будет приведен анализ употребления в ранних непальских надписях на санскрите термина koṭṭa, важного для понимания особенностей общественной структуры, как данного региона, так и всего индийского субконтинента.

А. Бхаттачарья, справедливо выделяя этот термин в своей работе³, следует, однако, традиционной его интерпретации. Термин, по ее мнению, можно переводить, как "форт, укрепление", и, в качестве примера она ссылается на аналогичную его интерпретацию В.В. Мираши в статье, посвященной публикации поврежденной надписи X в. времени Пратихаров⁴ (т.е., более поздней, чем все надписи, о которых идет речь в работе А. Бхаттачарья⁵). В интерпретации термина она основывается и на мнении известного непалиста Д.Р. Регми, считавшего этот термин обозначением укрепления на большой высоте или горном хребте⁶. По ее мнению, употребление указанного термина, синонимом которого был термин *ḍurga*, свидетельствует о том, что отдельные деревни (!) уже в ранней истории Непала трансформировались в укрепления - здесь размещались помещения для поселения солдат, склады оружия (!) и т.д.⁷

Основанием для нашего обращения к анализу указанного термина, конечно же, не является упомянутая, весьма вольная, хотя и основывающаяся на традиционной, его интерпретация. Этот действительно важный термин интересен тем, что встречается в эпиграфических источниках разного периода сохранившихся в разных частях индийского субконтинента. Впервые он упоминается в Малом колонном эдикте Ашоки, где предлагается рассылать "указ" царя во все, как обычно переводится, "горные области" (или крепости и местности, koṭṭa-*viṣavesu*). Нет уверенности, что такой перевод термина справедлив, однако иных его упоминаний в надписях Ашоки мы не имеем⁸.

Согласно "Эпиграфическому словарю", термин этот нередко встречается в индийской эпиграфике, вплоть до времени Виджаянагара. В словаре он приводится в различных сочетаниях, в двух основных значениях: koṭṭa-*pāla*, koṭṭa-*pāla*, koṭṭa-*pati*, koṭ-*ādhikaraṇika*, koṭṭa-*nigraha* or koṭṭa-*nigrahin* (все - интерпретируются Д.Ч.Сиркар, как глава koṭṭa, "укрепления"), или koṭaka, koṭṭaka, koṭṭam, koṭṭa-*viṣaya* (имеющими, по мнению автора "словаря" значение "district", в том числе "вокруг укрепления")⁹. В немалой степени, в интерпретации Д.Ч.Сиркар основывается на привычном значении этого термина в переводах тамильских надписей, в справедливости которого, также, есть повод сомневаться¹⁰.

Обратимся, в связи с этим, к анализу употребления термина koṭṭa, относительно часто встречающегося в ранней непальской эпиграфике¹¹. Впервые термин встречается в одном из ранних дарений Васантадевы (20.9-10=V.20)¹² от 428 года в формулировке условий последнего - "соответственно незыблемым правилам koṭṭa"¹³. Такое его употребление в схожих контекстах наиболее часто встречается в непальских надписях¹⁴ и требует

специального внимания. Анализ содержания и места отмеченной выше формулировки (к упомянутому случаю можно присоединить еще один - в грамоте Джаядевы II от 137 года второй "эры" говорится о том, что деревня сделана "дарением" в соответствии с "правилами" koṭṭa¹⁵), в рамках которой в непальских надписях термин koṭṭa встречается наиболее часто, позволяет высказать несколько суждений. Здесь, безусловно, говорится не о "крепостях", "укрепленных районах" и пр., а, скорее, о неких "традиционных правилах" или "обычаях" (maryādā¹⁶)koṭṭa, их комплексе¹⁷, в соответствии с которыми оформлялись дарения. Очевидно, учитывая обычную краткость "условий" дарений в грамотах, это постоянно повторяющееся указание было достаточно важным для непальских царей. Указанные правила, которым следовали цари, вряд ли устанавливались ими самими - в специальных случаях (например, при снижении традиционных норм податей) надписи упоминают "правила установленные царем" (narapatikṛta-maryādā, см., например грамоты Амшувармана¹⁸). И вполне возможно, в одной из грамот (54.17=V.58), излагается одна из норм упомянутых koṭṭa.

В дарении Шивадевы I, дата которого не сохранилась (54.17=V.58), в строке, конец которой поврежден, говорится: ". . . и те из вас, кто рожден в [соответствующей] готре, вне koṭṭa, в другом месте могут проживать; при необходимости в деятельности тех (кто) [живет вне?] собственного koṭṭa . . ." ¹⁹. Даже поврежденная фраза позволяет предполагать, что так именуется местная негосударственная организация ("собственный" koṭṭa). В ином дарении Шивадевы I термин дважды употребляется в связи с определением границ koṭṭa(54.18-24=V.58) - koṭṭasīman, tatsīmāparikṣipte smin koṭṭe (54.18, 24) по-видимому, в качестве синонима для дарения. В иной грамоте Шивадевы I(60.11-12 =V.65) термин употребляется в связи с запретом со стороны царя для "жителей Pheraṅ-koṭṭa и иных" наносить вред жителям деревни ставшей дарением (и термин котта выступает в качестве обозначения территориальной организации, сопоставимой с деревней, деревенской общиной). В грамоте Дхрувадевы и Джишнугупты (100.9-10=V.108), на основании сохранившегося текста можно судить о том, что здесь говорится о передаче храму деревни Talañju-grāma, ставшей (или, буквально, "сделанной") koṭṭa (. . . . koṭṭaṅ-kṛtvā pratipāditam). В грамоте 100 года (140.7.=V.146) говорится о некоем "месте расположения" (или "центре") koṭṭa (koṭṭa-sthānam). В грамоте Шивадевы II (136=V.143) термин встречается несколько раз - в названии подаренной деревни - Avākoṭṭā (136.7), в упомянутом выше, наиболее часто встречающемся контексте и при определении границ дарения, где говорится о dāvā-koṭṭa (136.17, возможно, это слово следует читать как обозначение названия подаренной деревни).

Опираясь на рассмотренные выше случаи, можно утверждать, что организации, именуемые koṭṭa имели собственные конкретные территории, свои названия (Pheraṅ-koṭṭa, Avākoṭṭā), жителей, границы, правила или обычаи, что не позволяет считать этот термин обозначением "крепости". И даже в единственном случае употребления термина (в поврежденном тексте), когда, возможно, идет речь о том, что организация именуемая koṭṭa создана царем, скорее, следует предполагать, что изменение статуса упомянутой тут же деревни происходило, хотя и в результате дарения царя, но в полном соответствии с наиболее часто упоминавшимися традиционными нормами.

О значении такого рода изменений статуса деревни (которые, учитывая постоянные ссылки на правила koṭṭa, вполне возможно, происходили во многих дарениях) можно судить только предположительно. Судя по тому, что упоминание правил koṭṭa чаще всего соседствуют с запретом доступа на территорию дарений для представителей междеревенских организаций - "адхикаран"²⁰ оба эти указания можно связывать.

Ограничение влияния в деревнях последних (о чем прямо говорят грамоты), важнейшими функциями которых, по-видимому, были сбор традиционных податей и штрафов (т.е. фискальная и судебная функции), происходило не только за счет прямого запрета для них

"вступать" на территорию дарений, но и за счет, возможно, изменения статуса самих деревень и тогда наиболее часто встречающуюся формулировку с рассматриваемым термином можно читать "в соответствии с правилами ДЛЯ koṭṭa" - территориальной организации, по своему статусу независимой от междеревенских "комитетов" - "адхикаран". Таким образом, институт "дарений", полностью соответствующий традиции, имел, возможно, одновременно, и прагматический социально-политический подтекст - постепенное изменение социально-политической структуры общества, за счет выведения местных территориальных организаций из-под контроля межобщинных объединений и "комитетов".

Упоминания различных правил для дарений не редки и встречаются в раннесредневековой эпиграфике в различных регионах Индии (например, упоминания "правил" или "обычаев" [дарения] деревень для знатоков 4-х вед в грамотах Вакатаков, правил для брахмадеи или аграхары в дарениях царей Багха). При этом, предоставление царями дарений, например, "брахмадей", явно вело к изменениям в социально-политической структуре общества, к появлению новых организаций (брахмадеи и аграхары, например, позже становятся обозначением вполне конкретных местных организаций). И можно допустить, что широко распространенная с V-VI вв. н. э. практика дарений, наряду с иными, имела, отчасти и определенный социально-политический подтекст, отражая динамику взаимоотношений царской власти с местными организациями, важные изменения в процессе становления индийской государственности.

---

1 Salomon, R. *Indian Epigraphy*. Austin, 1998. Следует отметить, что такого рода работ в историографии, где, как представляется, необходимо бы было ставить общие проблемы систематизации эпиграфических источников, формулировать общие принципы исследования надписей и пр., относительно немного. Можно лишь отметить известные работы Д.Ч.Сиркара (Sircar D.Ch. *Indian Epigraphy*. Delhi, 1965; Sircar D.Ch. *Indian epigraphical glossary*. Delhi, 1966). Причины такой ситуации очевидны - сложность работы с эпиграфикой (включающей дешифровку, перевод, анализ, при том, что каждый из таких этапов требует особой специализации, опыта работы), необходимость знания многочисленных типов письма, языков (в том числе их диалектов) и др. Известны лишь несколько работ, где делается попытка решать общие проблемы методики исследования эпиграфических источников, на основе анализа группы источников, прежде всего т. наз. "дарственных грамот" (преимущественно, в статьях или исследованиях групп надписей - см., например, Chhabra B.Ch. *Diplomatic of Sanskrit Copper-Plate Grants*. - in: *Indian Archives*, 1951, №5; Prakash, Om. *Early Indian Land-Grants and State Economy*). Отсутствие таких общих работ, по моему мнению, является одной из важных причин живучести целого ряда стереотипов (существующих в историографии с начала XX века, например, в исследованиях по истории формирования и эволюции социально-политической структуры индийского общества и государственности), многочисленных примеров вольности в интерпретации свидетельств эпиграфических источников в конкретных региональных исторических исследованиях (особенно, индийских, на материалах которых, нередко, основываются, исследования иных специалистов). Один из таких стереотипов, о котором мне нередко приходится писать - существование в древней Индии "централизованного бюрократического государства, администрации и т.п.". [back](#)

2 Salomon, *Indian Epigraphy*, p.164-165. [back](#)

3 A. Bhattacharya, *Nepalese Inscriptions in pre-Nevari eras: An annotated bibliography*, Calcutta, 1994. [back](#)

4 Mirashi V.V. *Kaman stone inscription*. - in: *Epigraphia Indica*, XXIV. Delhi, 1942. [back](#)

5 Подобные отсылки к переводам более поздних текстов при интерпретации специальной терминологии достаточно часто встречаются в индийской историографии. [back](#)

6 Regmi D.R. Ancient Nepal. Calcutta, 1960, p.191. [back](#)

7 A.Bhattacharya, Указ. соч., p. 74. [back](#)

8 См., например, Hulzsch, E. Inscription of Asoka. Oxford, 1925, p.162, stk.10. А.А. Вигасин в русском переводе дает "в каждую крепость и в каждую местность" (Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1997, с.342). Если следовать переводу "горные области", то очень трудно понять, почему "эдикт" предлагалось распространять только там. Иная интерпретация выглядит более корректной. Возможно, она исходит и из того, что здесь мы имеем раннее и необычное обозначение "всех регионов страны", обычно присутствующее в источниках в виде терминов "пура-джанапада", "пура-раштра" и т.п. Но и в этом случае значение "крепость" вызывает определенные сомнения. Современный термин крепость имеет, на мой взгляд, не совсем сопоставимую со структурой общества отраженную в эдиктах Ашоки коннотацию, учитывая то, что он употреблен в сложном слове, вместе с прекрасно известным по индийским источникам термином "вишая", область. Есть сомнения и с точки зрения буквального смысла - неясно, что можно считать "крепостью" для времени Ашоки. По моему мнению, в рассматриваемом термине обе его части, скорее, имеют сходное значение, подразумевая различные территориальные организации. [back](#)

9 См., Sircar D.Ch. Indian Epigraphical Glossary. Delhi, 1966, p.160-161. [back](#)

10 Как следует из исследования Я.В.Тарасюка, есть сомнения в такой интерпретации термина koṭṭam для ранних тамильских надписей времени Паллавов - он предлагает считать его обозначением сложного межобщинного объединения. Это надо признать справедливым, даже исходя из сведений надписей о составе таких "коттамов". См., Тарасюк Я.В. Социально-политическая структура южной Индии VI-XI веков (по свидетельствам эпиграфики Паллавов). Дисс. канд. ист. наук. М., 1998. [back](#)

11 Вопрос о возможности единообразной интерпретации этого (как, впрочем, и любого термина) в источниках разного времени, происходящих из разных регионов - особый и должен решаться отдельно в каждом конкретном случае - этот вопрос, в том числе по отношению к интерпретации термина котта в настоящем исследовании не ставится. [back](#)

12 При отсылке к номеру надписи мы используем порядковый номер надписи в нашей базе данных опубликованной на данном сайте и на сервере Института востоковедения (www.orient.ru). До 164 номера он совпадает с нумерацией в списке А. Bhattacharya), в скобках, по мере надобности даются отсылки на публикации (используемые сокращения V = D.V. Vajracharya, Lichchhavi Kal Ka Abhilekha (in Nepali), Kathmandu, 2003 Vir Era). [back](#)

13 . suthita-kotṭa-[ma]ryādāḥ [back](#)

14 sarvva-koṭṭa-maryād-opapannatvād - 54.8=V.58; Koṭṭamaryā(d-opapanno) - 55.9=V. 59; Sarvakoṭṭamaryādopapanna - 62.7 (=V.67); sarvakoṭṭamaryādā - 116.13(=V.124); śarīra-koṭṭ-obhaya-ānekamaryād-opapannaḥ - 122.7(=V.129); śarīrakoṭṭamaryādopapannaḥ - 127.6 (=V.133); śarīrakoṭṭamaryād-opapannaḥ 128.6-7 (=V.134); śarīrakoṭṭamaryādo[apapanna]ḥ - 132.5.(=V.139); koṭṭamaryādopapannaḥ - 136.7.(=V.143). [back](#)

15 koṭṭamaryādāsmābhiḥ prasādīkṛtā, 138.24=V.145 [back](#)

16 О соответствии дарений иным, не выделяемым специальным термином правилам, надписи говорят столь же часто. [back](#)

17 Поэтому говорится о "всех" или "основных", цагига, правилах. [back](#)

18 70.11-12(=V.73), 71.14-15(=V.74). [back](#)

19 smad-gotraja ye koṭṭād bahir nyattra nivaseyus-teṣān-kāryya-prayojane svakoṭṭā. . . . [back](#)

20 Наиболее часто упоминаемые "условия" дарений непальских царей - соответствие правилам котта и запрет доступа на территорию дарений для представителей "адхикаран" или для лиц, именуемых терминами Сата и Bhata. [back](#)